

СЕКРЕТЫ ТАЛАНТА

ОН ПРИШЕЛ в наш театр уже опытным, известным актером, с вполне сложившимися, четкими художественными и гражданскими позициями. В его творческом активе были такие роли, как Сергей Луконин («Парень из нашего города» К. Симонова), Нил и Павел Власов («Мещане» и «Мать» М. Горького), Алексей («Оптимистическая трагедия» В. Вишневского), Сергей Миронович Киров («Крепость на Волге» И. Кремлева), генерал Огнев («Фронт» А. Корнейчука), Юлиус Фучик («Дорогой бессмертия» В. Брагина и Г. Товстоногова)... Перечень этот говорит сам за себя, без дальнейших комментариев.

В нашем театре актеру довелось сыграть несколько ролей такого же плана. Зрителям особенно запомнились писатель Новиков из пьесы С. Алешина «Палата» — серьезный, обаятельный и смелый человек, литератор фадеевского типа, для которого творчество — партийная работа, академик Дронов из пьесы того же автора «Все остается людям» — ученый, самозабвенно отдающийся своему делу, мыслящий широкими, прямотаки космическими категориями, человек, которому органически чужды эгоизм, мелкие личные расчеты, «соображения» насчет собственного благополучия, карьеры, славы.

В. И. Кузнецов — не из тех актеров, которым, в общем, безразлично, что играть, — была бы большая роль. Он думает прежде всего об объективном звучании роли: куда направлена, к чему зовет и, по ленинскому методу слову, — «кому выгодно». По складу его дарования ему близка публицистическая, открыто-политическая по темпераменту драматургия, а в роли — ее ораторское, убеждающее, аргументирующее начало. Он любит в тексте роли кульминационные, «взрывные» места, передаваемые с особым накалом чувства. Каждый раз, получив роль, он беспокойно ищет в ней внутренний музыкальный стержень, лейтмотив, как бы пробует голос на широком песенном просторе, и это — почти всегдашнее направление поиска, одна любовь души художника.

Любимый герой Виктора Кузнецова не просто идет по земле, а «шагает по планете». Не случайно лучшей его ролью, отмеченной Государственной премией СССР, была роль Сергея Кирова:

В шинели армейской походной,
Как будто полков впереди,
Идет он тем шагом свободным,
Каким он в сраженьях ходил...

В довольно бледной по тексту пьесе И. Кремлева актер нашел тот нервный, собранный, упругий музыкальный ритм роли Кирова, который создает монументальную линию советского искусства и удается по-настоящему лишь художникам, ищущим в жизни и искусстве полнокровных мажорных звучаний.

Предвижу множество возражений. Конечно, не всем нравится, например, грозный обнаженный меч в красивой и мощной женской

руке — иначе говоря, главный монумент в памятнике героям Сталинградской битвы, работы скульптора Е. Вучетича. Говорят: слишком «прямолинейно», «традиционно», надо нежнее, проникновеннее, не громовым голосом атаки, а взволнованным шепотом... Как будто одно исключает другое, как будто сама жизнь не звучит на разные голоса, а чувства потеряли свои разнообразные музыкальные краски! Любите шепот — шепчите на здоровье, но не объявляйте, что современное искусство должно только шептать, что все остальные тональности, регистры вышли из моды... У актера Кузнецова — совсем иной тип художественного мышления.

И в самом деле: вот мечта Сергея Луконина, «Парня из нашего города», умереть на чужой земле за свободу другого народа. Какими словами, какими интонациями надо сказать об этом? Интимным шепотом, что ли? Можете — попробуйте...

Актерская судьба Виктора Кузнецова круто переломилась, когда он пришел в Горьковский театр драмы. Ему стали предлагать роли классического и современного репертуара, как правило, «негативного» плана. Не следует думать, что здесь была какая-то разумная и последовательная забота художественного руководства театра о расширении творческого диапазона актера (до такого «научного» подхода к работе с актером у нас, ой, как далеко!), — просто мелкие практические «соображения»... Как бы то ни было, свою привычку к распахнутой и глубоко распаханной шире человеческого характера актер переносил в трактовку любых своих ролей. Не могу не вспомнить дебют Виктора Кузнецова на нашей сцене в спектакле «Куда текут реки».

Пьеса начинающего драматурга А. Соснина не блистала никакими особыми достоинствами. В центре ее был образ карьериста, приносящего делу, которому он служит ревностно и с энтузиазмом, только вред. В эту примитивную схему В. И. Кузнецов сумел вложить богатое и сложное человеческое содержание, умело пользуясь своей насыщенной, интенсивной актерской палитрой и своей чистой, чуткой даже изысканной профессиональной техникой.

Каждый жест героя был многозначен. Рассказывая партнерше о своих планах реконструкции города, он вдруг вспоминал, что в городе нет водопровода; коснувшись рукой «древнего» рукомошника, брезгливо страхивал воду с пальца и прятал сжатую в кулак руку в карман кожаного пальто. Этот как будто случайный жест вырастал в символ: вот так же брезгливо страхнет герой каждого, кто ему помешает, а пальцы поскорее сжимаются в кулак... Актер наделил своего героя и любовью, но какой? Она нужна ему лишь как мужское самоутверждение, как выражение победоносной властности. И вот из бледной схемы драматурга стал живой человек, тяжелый, грубый, с горячей

кровью, по-своему талантливый, но упрямо выбирающий окольные пути в жизни. И жалко его было, и хотелось его встряхнуть, вернуть к высокомерно отвергнутой им истине...

Актер ведь всегда выступает как соавтор драматурга, но Кузнецов делает это особенно смело. И не столь уж важно, кто перед нами: признанный ли миром классик (роль консула Берника в «Столпах общества» Г. Ибсена), известный ли современный драматург (роль доктора Эммета в «Странной миссис Сэвидж» Джона Патрика) или робкий «инсценировщик» (образ фашиста Хорста Мюллера в инсценировке романа Д. Кьюсак «Жаркое лето в Берлине»), — В. И. Кузнецов уверенно обращается с драматургическим материалом, нуждающимся в усовершенствовании.

Исключительно интересно сыгран В. И. Кузнецовым доктор Эммет в спектакле «Странная миссис Сэвидж». В пьесе эта роль явно служебна, актер сделал ее одной из самых главных. Он нашел в своем герое гибкость, осторожность, презрение к богатым, профессиональную загадочность врача-психиатра, любовь к сценическим эффектам, свободомыслие и цинизм. Чего только не оказалось в этом третьестепенном персонаже!

Такой сложный подход к воспроизведению личности героя, его внутренних противоречий чрезвычайно обогащает сегодняшнюю работу актера над духовной жизнью «хорошего человека». Пример работы в этом плане — роль профессора Берга в пьесе А. Арбузова «Счастливые дни несчастного человека». Спектакль во многом не удался театру, но вдохновенное воспроизведение В. И. Кузнецовым душевной красоты, тонкости чувств и глубины мысли старого профессора, спрятанных в оболочку резкой защитной иронии, — хочется смотреть вновь и вновь.

Виктору Кузнецову, как художнику театра, в высшей степени присуща историческая конкретность, умение увидеть в личности героя черты и приметы определенной эпохи, национальный колорит. Ведь только истинные дети своей эпохи по-настоящему несут общечеловеческое, вневременное начало и принадлежат вечности. Об этом плохо помнят многие молодые актеры, модернизирующие при помощи режиссерского невежественного апломба любые исторические явления.

Виктор Кузнецов умеет раскрыть историческую конкретность образа, особенные черты времени в образах деспотического и умнейшего владыки Ивана Грозного, его слабовольного сына Феодора, в гениальном рабе Эзопе, в болтливом либеральном адвокате Басове из пьесы Горького «Дачники».

Последние работы Кузнецова — образ заводчика Гвоздилина, «умного капиталиста», в «Третьей патетической» Н. Погодина и характер гестаповца Мюллера в пьесе Ю. Семенова и В. Токарева «Семнадцать

мгновений весны» — новый этап творческого развития актера. Особенно интересно разнообразие и обилие психологического материала в сценической характеристике фашиста Мюллера: одноплановым и прямолинейным образ этот не назовешь, хотя в пьесе он как раз чересчур конкретен. Актер выразителен интонационно и пластически, искусно передавая физическую немощь персонажа и его упорную, зловещную бодрость духа, цепкий, коварный ум и пошлую грубость нравственного склада. Враг живучий, готовый вновь и вновь вставать из могилы, многоликий и опасный — таким видится этот персонаж политически-острому зрению артиста.

В критике есть суждение, что актер Виктор Кузнецов тяготится работой над «раздвоенными душами» иных современных героев драматургии, что анализ душевных противоречий не в природе дарования актера, что его надо вернуть на старый путь воспроизведения монолитных характеров. Есть и прямо противоположное мнение. А пока мы спорим, актер продолжает свой путь: нет возврата к пройденному этапу, обогатившийся опытом разноплановых, разножанровых, разностильных ролей, актер стал сложнее, крепче, совершеннее, и опыт свой реализует все богаче и интереснее с каждой новой ролью.

Побольше бы только настоящего материала для работы, а мастер сделает!

А. АЛЕКСЕЕВА.

НА СНИМКЕ: заслуженная артистка БССР, лауреат Государственной премии СССР Л. С. Дроздова и народный артист России, лауреат Государственной премии СССР В. И. Кузнецов в Академическом театре драмы им. М. Горького во время репетиции одного из спектаклей.

